

ТОМСКИЕ ЖЕНЩИНЫ-КРЕСТЬЯНКИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН (1920–1930-е гг.)¹

Надежда Дмитриенко

Аннотация. Статья посвящена важной проблеме социальной истории – изучению процессов социализации женского населения, результатов и социальных последствий вхождения женщин в традиционно мужские роли. Слабая степень изученности темы обусловила территориальные и хронологические рамки исследования. Обращение к истории крестьянок Томско-Нарымского Приобья в первые послереволюционные десятилетия позволяет конкретизировать женский опыт переживания кардинальных социальных изменений с опорой на комплексный подход и свежие исторические источники.

Важнейшим фактором женской социализации в России стала Революция 1917 г. и послереволюционные преобразования. Формировалась законодательная основа женского равноправия, одновременно допускались серьезные ограничения гражданских прав женщин-крестьянок. Первый спонтанный опыт усвоения мужских ролей был получен женщинами-крестьянками в военнореволюционное время, когда они были вынуждены выполнять мужские работы по хозяйству. Вовлечение крестьянок в общественную сферу происходило целенаправленно по решению партийно-государственного руководства. Женщины-крестьянки избирались в Советы, становились председателями сельсоветов, на равных с мужчинами участвовали в колхозном производстве в ущерб заботам о семье, детях, домашнем хозяйстве.

В процессе усвоения мужских ролей действовали «механизмы поощрения и наказания». Женщины-активистки подвергались, порой, преследованиям в семье, со стороны сельского или районного руководства. Ширилась пропаганда трудовых достижений крестьянок. В пропагандистские кампании вовлекались даже дочери раскулаченных крестьян, высланных в Нарымский округ. Одна из них, Надежда Ступак, была принята в комсомол, заведовала животноводческой фермой.

Формировался культурно-психологический облик выдвиженок на руководящую работу, передовых колхозниц. Новые социальные роли способствовали самоутверждению женщин-крестьянок, подготавливали их к испытаниям Великой Отечественной войны. Но двойные нагрузки – в домашнем и общественном производстве – приводили к повышенной изнашиваемости женского организма, оказывали негативное влияние на демографическое поведение. Томские крестьянки по-прежнему уступали мужчинам по уровню грамотности, по степени социальной активности.

Ключевые слова: томская деревня, женщины-крестьянки, социально-правовой статус, социальная активность, культурно-психологический облик

Введение. Повышенный интерес российских исследователей к изучению истории женщин Сибири отчетливо фиксируется в научно-

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-11-70008.

библиографических и историографических публикациях (Пушкарева 2002; Гончаров 2008). В целом ряде работ раскрыты такие важные аспекты темы, как государственная политика по отношению к женщинам в 1920-х гг. (Климанская 1965, 1976), развитие женского образования (Рябцева 2003; Гончаров, Журавлева 2008), использование женского труда в промышленности (Скубневский 2008) и колхозном производстве (Шипилина 2011). Исследователи касаются положения женщин в рабочих и крестьянских семьях Сибири (Бардина 1995; Фаронов 2008; Воеводина 2008; Коляскина 2008). Однако ни в одном из имеющихся исследований по истории Сибири не затрагивается вопрос, впервые обозначенный в российской историографии Л.П. Репиной (1999), – о женском опыте переживания крупных социальных изменений. Практически вне внимания исследователей остаются процессы социализации сибирских женщин, усвоения ими новых общественных ролей в первые послереволюционные десятилетия. Рассмотрение этих вопросов на материалах Томско-Нарымского Приобья (в границах современной Томской области) позволяет конкретизировать решение такой важной научной проблемы, как история населения в социокультурном аспекте (Репина 1999: 21–37; Соколов 1999: 60–70; Вербицкая 2005: 314–321).

Основу исследования составили законодательные и распорядительные акты 1917–1930-х гг., определявшие социальный статус российских женщин послереволюционных десятилетий. Привлекались документы делопроизводства, отложившиеся в архивах, и документальные публикации, позволившие осветить социально-политическую активность женщин-крестьянок. Использовались данные демографических переписей 1920, 1926 и 1939 гг. Разнообразная социальная информация по теме исследования представлена в периодической печати, в частности в газетах «Красное знамя» и «Советский север», а также в журнале «Красная сибирячка». Привлеченные источники характеризуются высокой степенью достоверности и позволяют с достаточной полнотой осветить изучаемые события.

Социально-правовой статус российских женщин претерпел кардинальные перемены в период Революции 1917 г. и в первые послереволюционные десятилетия. Сразу после свержения самодержавия женщины были уравнены с мужчинами в избирательных правах: летом 1917 г. они были допущены к выборам в Учредительное собрание (Положение о выборах... 1917: 1). Декретом о земле (1957: 19), принятым II Всероссийским съездом Советов 26 октября 1917 г., женщины наделялись равным с мужчинами «правом пользования землей». В июле 1918 г. равные с мужчинами политические права женщин были продекларированы в первой советской Конституции (1918: 23). Новая Конституция, утвержденная в декабре 1936 г., закрепила гражданские права женщин. 122-я статья Конституции (1937: 22) включала следующее

положение: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Возможности осуществления этих прав женщин обеспечиваются предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов».

Однако если говорить о женщинах-крестьянках, то их права систематически урезались постановлениями и распоряжениями законодательной и исполнительной власти. Имеются, прежде всего, в виду постановления о раскулачивании и выселении крестьян вместе с семьями в отдаленные местности, согласно которым крестьянское население оказывалось в бесправном положении. А по Постановлению Совнаркома СССР от 28 апреля 1933 г. «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории СССР», постоянным жителям сельской местности (не только спецпереселенцам) паспорта не выдавались. Как следствие, они лишались возможности свободного передвижения по стране, а значит, и права на труд, образование, лечебную помощь вне границ сельских поселений (Постановление Совета... 1933: 304–306).

В 1935 г. на 2-м Всесоюзном съезде колхозников был принят Устав сельскохозяйственной артели, который и после принятия Конституции 1936 г. регулировал жизнь колхозников – мужчин и женщин. Устав закреплял крестьян за колхозами: «Колхозный путь, путь социализма, есть единственно правильный путь для трудящихся крестьян. Члены артели обязуются укреплять свою артель, трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, охранять общественную собственность... выполнять задания своего рабоче-крестьянского государства и таким образом сделать свой колхоз большевистским, а всех колхозников зажиточными» (Примерный Устав... 1967: 519).

Что касается прав колхозников и колхозниц, то в Уставе ничего не говорилось ни о возможности выхода из колхоза, ни о социальном обеспечении (по уходу за ребенком или по болезни). Правда, в главе «О средствах производства» сообщалось о необходимости «вовлекать женщин в колхозное производство и общественную жизнь артели, выдвигая способных и опытных колхозниц на руководящую работу, разгружая их по возможности от домашних работ путем создания яслей, детских площадок и т.д.» (523).

Членам колхозов полагались небольшие участки земли под огороды, оговаривалась возможность содержать на личном подворье одну корову, одну свиноматку, до десятка овец. Прописывались и условия оплаты труда колхозников – после выполнения всех государственных планов и обязательных поставок сельскохозяйственной продукции колхоз-

никам начислялись выплаты по трудодням (Примерный Устав... 1967: 524–525). Можно согласиться с Г.В. Шипиловой (2011: 125) в том, что гражданские права крестьян, прежде всего крестьянских женщин, практически не имели гарантий со стороны государства, что и определяло их незавидное социальное положение.

Первый опыт усвоения крестьянками новых для них ролей накапливался спонтанно, когда вследствие двух войн и революции российские села «обезмужичили». Известно, что в 1916 г. женщины составляли 53,3% всего населения Томского уезда (Алтайско-Томская часть... 1927: 184–185). По данным переписи 1920 г., доля женщин среди сельского населения Томского уезда составляла 51,1% (Народное хозяйство... 1923: 29). В 1926 г. процентное соотношение женского и мужского населения в сельских районах в границах нынешней Томской области почти уравнилось (50,7 : 49,3), а ко времени Всесоюзной переписи 1939 г. доля женщин в томских селах вновь повысилась до 51,5% (Всесоюзная перепись... 1928: 248–249; РГАЭ 1939: 114–119).

Овдовевшие, осиротевшие, а также и многие замужние женщины взваливали на свои плечи мужскую крестьянскую работу, занимались не только огородами, но и пашней, заготавливали сено и дрова, ухаживали за домашними животными, а кроме того, как и в прежние довоенные времена, выполняли все работы по дому – готовили, стирали, заботились о малолетних детях и престарелых родственниках. В зимнее время женщины пряли, ткали, вязали, шили, а некоторые даже изготавливали валяную и кожаную обувь. К домашним работам с раннего возраста привлекались крестьянские дети, в основном девочки, традиционно выполнявшие роль нянек для младших братьев и сестер. По воспоминаниям томского врача, кандидата медицинских наук В.И. Черняевой, проживавшей в двадцатых годах в дер. Ново-Михайловке под Томском, она с семи лет помогала в семейном хозяйстве, кормила кур, свиней и даже доила корову (Томские женщины... 2003: 122).

По подсчетам С.Г. Струмилина, приведенным в работе К.Е. Климанской (1976: 70), в начале 1920-х гг. мужчины-крестьяне трудились в течение года в среднем по 3 242 часа, а женщины-крестьянки – по 4 342 часа, т.е. более чем по 11 часов ежедневно. Занятые каждодневным тяжелым трудом, томские крестьянки были очень ограничены в своих повседневных запросах, пренебрегали заботами о здоровье. В условиях товарного кризиса 1920-х гг. крестьянки, особенно в отдаленных районах, были лишены возможности использовать «покупные ткани», приобретать одежду и обувь, одевались в домотканину из льна, конопли и крапивы (Бардина 1995: 124–125). По воспоминаниям Л.Н. Иванова (1995: 97–98), в начале 1920-х гг. жившего с родителями в с. Батурино на Томи, мать его, как и все деревенские женщины и де-

ти, все лето ходила босой и обувалась только тогда, когда шла в церковь или в лавку. От этого «пятки ее ног часто растрескивались и даже кровоточили, доставляя мучения».

Как и повсеместно в Сибири, томские женщины придерживались традиционных обычаев и норм поведения. Так, Л.Н. Иванов (1995: 98) вспоминал, как «в лютые морозы мама часто прибегала домой с обмороженными выше колен ногами, восклицая уже с порога: “Ой, ребята, ноженьки ознобила, ноженьки ознобила!”». Далее мемуарист добавлял: «Одета же она была тепло: в ватном пальто, в валенках, на голове – теплая шаль. Но дело в том, что шерстяные чулки завязывались выше колен тугой веревочкой или круглой резинкой, которые сильно перетягивали ноги. Для теплоты мама надевала, кроме обычной нижней и верхней, еще две-три верхних юбки. Однако ноги выше колен оставались голыми. Нельзя сказать, что сибирячки не знали о пользе теплых штанов. Но как можно?! Штаны ведь носили татарки. А мы – русские, нам нельзя!».

Сохранились документальные свидетельства о молодежи с. Коларова, бывшего Спасского, собранные томским исследователем М.А. Слободским. Наблюдая сельские «вечорки», он сообщал, как по вечерам к одному из деревенских домов собираются сначала девицы, рассаживаются на завалинке, на бревнах, «ведут между собой беседу», играют в карты и даже гадают. Подходят парни, «завязывается оживленный разговор, который сменяется песнью», а когда появляется гармонист, начинаются танцы и хороводы. Автор отмечал, что «в танцах девушек движения плавны, монотонны, чувствуется какая-то жеманность, отсутствует одушевление». Парни, напротив, «значительно оживленнее», допускают «залихватские движения». В хороводах и плясках пели протяжные песни и частушки. По запискам М.А. Слободского, «предметом частушек является в большинстве случаев милый, или миленок, и милая. Любовь и связанные с нею чувства очарования и разочарования, тоски и ревности, обиды оскорбленного чувства, и тяжелое предчувствие, одним словом, внутренняя жизнь молодой души, у которой нет других интересов, кроме любви, – вот самые обычные мотивы частушек» (1927: 96–97).

Многие крестьянки всю жизнь оставались неграмотными, уровень их грамотности заметно уступал таковому у мужчин. Так, по материалам переписи 1920 г. грамотой владели 28,5% мужского населения сельской местности Томского уезда и только 11% женщин (Народное хозяйство... 1923: 29). Согласно переписи 1939 г., доля грамотных женщин в Кожевниковском районе Новосибирской области (ныне вошедшем в состав Томской области) возросла до 58,2%, в Зырянском – до 64,1%, в Асиновском районе – до 66,3%. В то же время доля грамотных мужчин в этих же районах составляла 82,8; 85,3 и 88,8% соответ-

ственно. Несколько выше (возможно, за счет сосланных раскулаченных крестьян) была доля грамотных в сельских поселениях Нарымского округа – 71,2% всех лиц женского пола старше девяти лет и 89,5% мужского населения (РГАЭ 1939а: 44–45).

В условиях перемен в крестьянской среде формировался тип самостоятельных женщин-хозяек, которые пользовались авторитетом односельчан. Так, томский врач П.Т. Приходько (1927: 112), изучавший летом 1925 г. народную медицину в подгородном Коларовском районе, встретил крестьянскую вдову Лукею Павловну Егорову. Она проживала в с. Батурино вместе с 16-летним сыном и 14-летней дочерью, обрабатывала земельный участок в 30 десятин. Односельчане уверяли, что она сама и «корову, и овцу заколет». Л.П. Егорова от матери переняла и приумножила лекарские знания, использовала травы и аптечные препараты, умела делать массаж, помнила много заговоров, принимала роды и по вызовам лечила больных в окрестных селах и даже в Томске. При этом, согласно неписанному кодексу знахарей, ничего не брала за свои услуги, принимала только то, «что дадут». П.Т. Приходько характеризовал крестьянку Егорову как «умную, энергичную и уверенную в своих поступках женщину», она любила «погулять с бабами», но соседи «ни разу не замечали, чтобы с мужиками баловала». В то же время информаторы Приходько отмечали ее мстительность («и кур в огород к соседке загонит, и в плетне лазейки к ней сделает»), утверждали, что может недругу в чай подложить чего-нибудь, «чтобы очумел».

Вхождение женщин в новую исконно мужскую роль главы семейства, землепользователя потребовало дополнительных затрат времени и сил и обернулось для них обязанностью выплачивать налоги в пользу государства, а в случае неуплаты – подвергаться наказанию. В 1922 г. две крестьянки Чилинской волости Томского уезда Евдокия Сазыкина, 46 лет, и Анна Мельникова, 40 лет, были обвинены налоговой сессией Томского губревтрибунала в неуплате государственного продналога и приговорены к конфискации имущества. У Е. Сазыкиной отобрали две лошади, корову, три овцы и плуг, а у А. Мельниковой – две лошади, корову и плуг (Из истории... 2000: 218).

Чуть позже, в ходе коллективизации и раскулачивания, женщины-крестьянки вместе с мужьями и отцами, а порой и независимо от них подвергались репрессиям, изъятию имущества и высылке в отдаленные малообжитые местности. В мае 1931 г. в пригородном Эуштинском сельсовете попытались раскулачить Мухамедзяна Сайфульмулюкова, но он к тому времени скрылся из села. Тогда участники раскулачивания описали все небогатое имущество семьи Сайфульмулюковых, включая деревянную избу 12 × 6 м, старую избушку, конюшню, облигации на 30 руб., а также козу, коня и гнедого жеребенка, дроги без колес и водовозку, ящик с плотницкими инструментами, 5 пудов ржаной муки,

старую сбрую, «две шлеи старые и две седелки», один чугунок и два ведра, 5 табуреток, 2 ящика-сундука и шкаф с застекленными дверцами, весы столовые и весы коромысловые, кадку для воды, две стеклянные банки. И поскольку хозяин отсутствовал, ответчиком стала его жена Фатыма Сайфульмулюкова, мать пятерых детей в возрасте от 2,5 до 14 лет. В жалобе в Томский горсовет, составленной по неграмотности зуштинской крестьянки ее соседкой Софией Мавликеевой, сообщалось: «Средств – ни денег, ни хлеба, ни одежды, как у детей, так и у меня, не имею. Муж мой скрылся неизвестно куда и при жизни его дома имел еще двух жен. После ухода мужа средства к существованию получены от поденной работы» (Томские татары... 2000: 124–125). Такой ценой оплачивалась ролевая самостоятельность томских крестьянок.

Социально-политическая активность крестьянок, вовлечение их в общественную сферу были целиком подчинены задачам партийно-политического строительства. В 1922–1924 гг., на XI, XII, XIII съездах Российской коммунистической партии большевиков (далее – РКП(б)), неизменно принимались резолюции о работе среди трудящихся женщин. В резолюции XI съезда прямо говорилось: «Учитывая роль крестьянок в поднятии сельского хозяйства и развитии сельскохозяйственной кооперации, съезд считает необходимым усилить работу среди них, для чего должен быть увеличен кадр уездных и районных организаторов из крестьянок» (Одиннадцатый съезд... 1983: 529). В решениях XIII съезда РКП(б) ставились задачи «распространения влияния партии на широкие слои работниц и крестьянок путем политического и культурного воспитания их; вовлечение работниц и крестьянок в партийное, профессиональное, кооперативное и советское строительство» (Тринадцатый съезд... 1984: 285).

В ЦК РКП(б), в губернских и уездных комитетах партии создавались отделы по работе среди работниц и крестьянок – женотделы. В 1920 г. в составе Томского губкома партии (и сменившего его в 1925 г. окружкома партии) был также сформирован женотдел (ЦДНИТО 1923: 14; Кан 2009: 536–537). После очередного административно-территориального передела, когда в 1930 г. сельские районы упраздненного Томского округа вошли в Западно-Сибирский край, ни в крайкоме ВКП(б), ни в райкомах партии женотделы не функционировали. А в составе Томского горкома ВКП(б), которому подчинялись и окружавшие город сельские территории, был создан женсектор (ЦДНИТО 1930: 48).

Задачи активизации женского населения, поставленные партийным руководством, решались с трудом. Томские крестьянки, занятые своим хозяйством, семьей, по мнению инструктора Томского женотдела М. Пономаревой, «буквально тормозили всякие начинания, всеми силами противились всяким культурным начинаниям...» (Томские жен-

щины... 2003: 67). Некоторые и своих мужей заставляли выйти из партии или уйти из коммуны. А по отношению к новым советским порядкам придерживались точки зрения, которая была высказана одной из крестьянок с. Зырянского: «Лишь бы брали налоги, да оставляли крестьянам на самогон» (Наброски... 1923: 2).

Самой распространенной формой вовлечения женщин в общественное движение стали делегатские собрания. В партийных решениях (Двенадцатый съезд... 1984: 126) они рассматривались как «самый существенный аппарат, соединяющий партию с широкими массами беспартийных работниц и крестьянок». Члены делегатских собраний, делегатки, занимались ликвидацией собственной неграмотности, участвовали в различных политико-просветительных мероприятиях. Чуть позже к делегатским собраниям стали относиться как «одному из резервов для пополнения рядов партии» (Востротина 1932: 6). Выборы делегатов превращались порой в общественное событие, как это случилось в с. Зырянском в 1924 г., где на первое собрание пришли 75 сельских женщин. Зырянские делегатки говорили: «Долго мы ничего не понимали, жили в темноте, знали только ребятишек да кухню. Теперь словно проснулись. Будем работать, подравняемся с нашими мужиками» (Лукерия 1924: 7). Под влиянием делегатов с. Ново-Рождественка члены местного общества потребителей постановили запретить торговлю водкой (ГАТО 1930: 55). Конференция женщин-делегатов Нарымского уезда, созванная в 1925 г., приняла решение о борьбе с самогонварением (Томские женщины... 2003: 78–79). Крестьянки с. Калтай – русские и татарки – создали в 1927 г. женское машинное льномяльное товарищество и маслоартель, устроили маслозавод и начали сбивать на продажу сливочное масло (Пащенко 1927: 12; Ф.В. 1928: 12; Калтай... 1928: 1).

Усвоению новых ролей способствовало привлечение женщин-крестьянок к участию в избирательных кампаниях. Известно, что в начале 1920-х гг. в выборах Советов в Томском уезде участвовали почти 60 % крестьян, имевших право голоса, и только 14% женщин-крестьянок. А по данным 1925 г., в подгородном Коларовском районе женщины-татарки вообще не участвовали в выборах (ГАТО 1925: 118). Чтобы преодолеть избирательную пассивность женщин, характерную для всей страны, была развернута политическая кампания вовлечения женщин в Советы. В октябре 1927 г. состоялся съезд женщин, членов местных Советов Томского округа. В окружной центр съехались 99 делегатов, 72 из которых были крестьянками, по преимуществу – русские, но присутствовали также татарки, эстонки, латышки. В большинстве это были женщины 23–40 лет и старше, семейные, «умудренные жизнью». По свидетельству организаторов съезда, они приехали в город, «бросив свое хозяйство, оставив детей» (Женщина... 1927: 5). Съезд

приветствовал председатель Томского окружного исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов П.П. Захаров словами, характерными для официальной трактовки женского вопроса: «Женщина в советском строительстве за истекшие десять лет проявила уже много энергии, много воли к победе. Но эта энергия, эта воля все еще недостаточны для того, чтобы сравняться с мужчиной. Женщина все еще отстает, еще не достаточно втянута и недостаточно выделяет себя как активная строительница рабоче-крестьянского дела» (Женщина... 1927: 4).

В отличие от советского руководителя, участницы съезда обсуждали волновавшие их жизненные вопросы – об организации медицинской помощи крестьянкам, о ликвидации неграмотности. Говорили и об участии женщин в советской работе. Само пребывание в Томске, обсуждение вопросов, далеких от повседневных деревенских забот, волновали, настраивали на высокий лад. Недаром одна из делегатов с пафосом отзывалась о съезде: «Много дивного пришлось мне, темной крестьянке, слышать и видеть за последние годы, но такого дива, как этот съезд, мне видеть еще не привелось. Обо всем-то переговорили, обо всем-то надумали, и как хорошо теперь я поеду в деревню, узнав, как и что, и какое дело нам теперь в деревне надо осиливать» (Женщина... 1927: 5).

В томских селах складывалась прослойка женщин-активисток, участниц политических кампаний, выдвиженок на руководящую работу. Например, Еннафа Харитоновна из с. Молчанова избиралась делегатом Томского окружного съезда Советов, часто замещала председателя сельсовета во время его отлучек (Жизнь... 1926: 12). В январе 1929 г. впервые в истории Нарымского края делегатом и членом президиума 2-го туземного съезда остяков (селькупов) Ваховского района была избрана женщина (имя ее в документах не сохранилось) (ГАРФ 1929: 7). Она же стала и членом Корликовского родового совета, как называли в конце 1920-х гг. сельские советы, создаваемые в местах обитания ваховских остяков (ГАРФ 1925–1930: 14, 22). Томские женщины-крестьянки – Семенова, Бакникова, Мария Алатаева, Лузина – возглавляли сельсоветы (Ш. 1934: 14; И в этом году... 1934: 10). Бригадир свиноводческой фермы колхоза «Таежная заря» Каргасокского района Анна Кучина, колхозница из с. Уртам Кожевниковского района Анастасия Бетенкова участвовали в работе 2-го съезда Советов Западно-Сибирского края (Никулькова 1935: 13; Михайлова 1935: 13). В 1939 г. депутатами Новосибирского областного совета депутатов трудящихся были избраны звеньевая колхоза «Новая жизнь» Томского района П.И. Толстихина, охотница-стахановка из Александровского района А.И. Самарина и телятница из Колпашевского района В.Е. Зыкова (Список... 1939: 1; Лекции... 1940: 63). В Нарымский окружной Совет депутатов трудящихся вошли члены колхоза «Красная звезда» Пудинского района

А.И. Петрова и колхоза «Новый путь» Парабельского района Е.К. Родикова, заведующая молочно-товарной фермой из Каргасокского района Е.Н. Вялова, звеньевые колхоза имени Свердлова Колпашевского района Л.С. Пшеничникова и колхоза «Коминтерн» Парабельского района С.Г. Скирневская (Список... 1939: 1).

С началом массовой коллективизации власти стремились заручиться женским участием в колхозном движении. В инструктивном письме Томского окружного комитета ВКП(б) от 22 февраля 1929 г. особо указывалось на делегатские собрания как «приводные ремни партии», способные привлечь «к практическому участию в проведении плана весенней сельскохозяйственной кампании широкие бедняцко-середняцкие крестьянские женские массы» (Томские женщины... 2003: 81). На первых порах томские женщины выступали против коллективизации. Так, одна из крестьянок с. Двухреченского говорила: «У нас все отбирают и отдают в коллектив, а в коллективе по миру ходят. Что вы, мужики, на них смотрите, весной все пропадем с голоду» (ГАТО 1930: 56). Для преодоления антиколхозных настроений и выполнения правительственного постановления «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» в октябре 1930 г. было созвано совещание женщин-колхозниц Томского района. На совещании прозвучала критика принудительного вовлечения в колхозы, а вместе с тем и выступления в пользу колхозов. Насколько они были искренни, трудно судить. Во всяком случае, участница совещания Морева сообщила, что была против вступления в колхоз, а пожив в нем, пришла к выводу, что «только в колхозе начнется настоящая жизнь крестьянской женщины...» (Лишь в колхозе... 1930: 1).

Возможно, если крестьянка Морева не лукавила и не испытывала принуждения, она имела в виду то, что в колхозе женщины получили возможность участия в общественных делах, видели выход из повседневной семейной рутины. В колхозах женщины обрели истинное равноправие, без всяких скидок работали наравне с мужчинами. По большей части они были заняты на животноводческих фермах, а летом – на полевых работах, вручную косили и жали зерновые культуры и лен, выращивали картофель и овощи. Порой их назначали звеньевыми или бригадирами, как Н.П. Лапонову из с. Ново-Никольского. Под ее началом работали 14 женщин и 4 мужчин, которые занимались выпасом и дойкой 114 коров (Шелудков 1934: 3). Некоторые женщины становились пахарями, плугарями, бороновалоками, косильщиками, конюхами и обгоняли мужчин по производительности и качеству работ. Так, Анна Волкова работала лучше всех пахарей колхоза «Сибирский большевик» Колпашевского района, на вспашке 1934 г. она за три дня вспахала конным плугом 2,88 га при норме 0,8 га. Две колхозницы из колхоза «Новая жизнь» Кривошеинского района Е.И. Ковтюкина и С.М. Бу-

ланова работали на подъеме паров и ежедневно вспахивали по одному гектару. А колхозница Молчановского сельсовета того же Кривошеинского района Анна Еремина за весь период весенней пахоты обработала на конном плуге 14 га земли (А-в 1934: 1; Ударницы-колхозницы... 1934: 3).

Не уступали мужчинам женщины-охотницы Нарымского округа. Пушнину, отправляемую на экспорт, добывали 29 женщин, в их числе Анна Лихачева, Д.Д. Арнангина, первая в крае женщина-охотница на белок Нюра Тугундина, 15-летняя Елена Радкумова и 70-летняя Елена Пырчикова. Одна уходила в тайгу на продолжительное время 18-летняя охотница на белок Власова, регулярно перевыполняя план добычи (Северянин 1934: 1; По вопросу... 1934: 2; Писаров 1939: 4). Женщины-колхозницы Нюрольского сельсовета Каргасокского района Мария Иняева, Анфиса Ологина, Федосья Пылосова работали в рыболовецкой бригаде под началом Ефима Иняева (Борбашев... 1939: 3). А в колхозе имени Чкалова Каргасокского района пять отважных женщин заявили о своем желании работать «наравне с мужчинами» и организовали женскую рыболовецкую артель, которую возглавила Татьяна Щепицина (Ликвидируем... 1939: 3).

Процессы женской социализации на томской земле развивались через характерные «механизмы поощрения и наказания» (Пушкарева 1999: 161). Известны случаи, когда мужья избивали своих жен, не пускали в клуб, на собрание делегатов. Правда, находились женщины, подобные Евдокии Лузиной из с. Варюхина, избранной членом сельсовета и районного комитета крестьянской взаимопомощи. Муж сначала протестовал против ее активности, «учил ее уму-разуму», но она ему твердо заявила: «Если хочешь жить со мной, то должен мириться с моей работой» (Наша жизнь... 1925: 16).

Нетерпимым было отношение к женщинам-активисткам со стороны мужчин, облеченных властью. По свидетельству инструктора женотдела Томского уездного комитета РКП(б) М. Пономаревой, в самом уездном комитете бытовало выражение «баботдел», а работа с женщинами считалась «работой не первой важности». Поэтому организаторам женских собраний в притомских деревнях не раз приходилось слышать вопросы: «Зачем это еще бабы-то понадобились, что от нас и кому нужно?» (Томские женщины... 2003: 67–68). Председатель Калтайского сельсовета говорил, что от женщин-делегаток «только один шум, а пользы нет» (Пашенко 1928: 15).

Неприглядный случай произошел в Коларовском районе, где женщину-татарку Валееву избрали председателем сельсовета, затем – заместителем председателя Коларовского райисполкома. Вот тогда-то ее непосредственный начальник, председатель райисполкома, сказал: «Нравится мне твоя работа. Но еще больше нравится мне твоя поход-

ка». А когда получил отказ, стал злейшим врагом и не постеснялся организовать решение президиума райисполкома, в котором говорилось: «Ввиду того, что Валеева не работоспособна, занимается проституцией, имеет связь с кулацким элементом и фальшивомонетчиками, подрывает авторитет партии и советского власти, постановили: Валееву с работы снять, из членов райисполкома исключить». Оболганной женщине-активистке удалось доказать всю вздорность предъявленных ей обвинений, районная РКИ принудила недобросовестного председателя выплатить штраф, но на советскую работу Валеева не вернулась (Сенова 1929: 13–15).

В качестве поощрительной меры вовлечения женщин в общественную сферу можно рассматривать попытку решения проблемы ухода за маленькими детьми. Первые сельские ясли на территории Томско-Нарымского Приобья открылись в с. Колпашеве (в 1933 г. преобразованном в рабочий поселок, а в 1938 г. – в город). По данным на 1926 г., в Томском округе действовало 13 сельских детских яслей, в основном при медицинских участках (Летние ясли... 1927: 2). Количество яслей заметно увеличилось в начале 1930-х гг. Например, в Томском районе в 1931 г. было открыто 87 яслей для детей «колхозников, бедняков и батраков». Ясли создавались исключительно с целью «освобождения женщины для производства через систему дошкольного воспитания» (Материалы... 1931: 22). И как в старые времена, женщины кормили грудью детей, не отрываясь от уборочных работ, с той лишь разницей, что грудных детей подвозили матерям из яслей или с детских площадок (И в этом году... 1934: 10).

Действенным «механизмом поощрения» служила пропаганда трудовых достижений крестьянок. Например, корреспондент томской газеты «Красное знамя» А. Дубинский (1932: 2) с похвалой писал о колхознице Кузовлевского сельсовета Томского района Ю.А. Брокон, которая при уборке зерновых за один рабочий день нажинала до 200 снопов. В газете Нарымского окружкома ВКП(б) «Советский север» рассказывали о колхознице Тунгусовского сельсовета Марии Жук, которая за световой день вязала по 1 000 снопов при норме 500. А в звене Анны Аксиненко все пять вязальщиц связывали больше чем по 1 000 снопов каждая. Еще лучше работали колхозницы колхоза «Молот» Кривошеинского района Дарья Наумчик, Надежда Князюк, Парасковья Сайнакова, которые ежедневно вязали по 1200 снопов и больше (Черкашин 1939: 1; Тюлькин 1939: 1).

В новосибирском журнале «Красная сибирячка» сообщалось об учреждении в Томском районе красного и рогожного переходящих знамен, которые вручались передовым и отстающим колхозницам на уборке урожая. В числе передовых оказалась 75-летняя колхозница Варасина из Лучановского сельсовета, она перевыполняла план на 120% и

была премирована отрезом шелка на платье. Ее товарка, 60-летняя Ольга Портнягина из Коларовского сельсовета, нажила по 130 снопов в день при норме 120 и получила премию – платье и платок (Данилкина 1933: 11).

В газетах рассказывали о трудовых достижениях доярки колхоза «Новая жизнь» Парабельского района Клавдии Родиковой, телятницы из Кривошеинского района Евдокии Сусоровой, животноводов из Каргасокского района Харитиньи Костаревой и Клавдии Сухушиной (Ударницы-колхозницы... 1934: 3; Ю.Д. 1934: 3; Кушнарв 1939: 3).

В 1938 г. для поощрения производительного труда колхозников было принято правительственное постановление об открытии в Москве Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В сибирских колхозах, как и повсеместно в стране, было организовано соревнование за право участия в выставке. Об участниках соревнования сообщалось в печати и даже в отдельных книжных изданиях. Это были колхозницы Томского района: доярки Магера Единеева и Гульфареза Антинева, звеньевые Е.Ф. Вершинина, М.И. Барабинова и А.Д. Смирнова. А также телятница из Колпашевского района Варвара Зыкова, чаинская телятница Варвара Понтохина, колпашевский конюх Прасковья Гришаева (Шушаков 1939: 5; Лекции... 1940: 53–87).

Первыми для поездки на сельскохозяйственную выставку в Москву были выбраны доярка из Каргасокского района Е.Я. Кабанова, которая надоила от 10 коров в среднем по 17 центнеров молока в год, каргасокские и колпашевские телятницы В. Тарасова, А. Сидорова, К. Бахарева, С. Литосова, сохранившие 100% молодняка, за которым ухаживали. А телятница колхоза «III Интернационал» В.С. Новошконова, депутат Тегульдетского районного Совета депутатов трудящихся, сумела побывать на выставке в Москве три раза (Томские женщины... 2003: 147).

Задача «политического и культурного воспитания» женщин-крестьянок, поставленная партийным руководством страны (Тринадцатый съезд... 1984: 285), распространялась и на молодежь, чьи родители были раскулачены и высланы в Нарымский край. В местной печати рассказывалось, например, о дочери алтайских спецпереселенцев Надежде Ступак, ставшей заведующей животноводческой фермой на 400 голов. В 1936 г. ее приняли кандидатом в члены ВЛКСМ. Вместе с другими кандидатами Н. Ступак подписала письмо, направленное в Нарымский окружной комитет ВЛКСМ, в котором, в частности, говорилось: «Мы дети трудпоселенцев, перевоспитавшиеся в трудовом процессе, восстановленные в правах гражданства великой социалистической страны, с величайшей радостью отмечаем, как один из лучших, счастливейших дней нашей жизни, день приема нас в комсомольскую семью... Мы проклинаям кулацкое прошлое своих родителей, навсегда

от него отворачиваемся... Спасибо тов. Сталину, что он указал нам правильную дорогу» (III краевая... 1936: 2).

Социальные перемены формировали культурно-психологический облик томских крестьянок, определяли их стремление к культуре и образованию. Так, участвуя в работе губернского съезда Советов, татарка из с. Калтай Зайнат Федмахметова посетила в Томске музей, побывала в театре и позже делилась своими впечатлениями с другими калтайскими женщинами (Залетный 1924: 17). Калтайская же делегатка Евдокия Жикина, убедившаяся, что «неграмотной жить и работать нельзя», вступила в общество «Долой неграмотность», организовала в селе избу-читальню, а потом и школу (Наша жизнь... 1925: 16). В деревне Карамзинке Чаинского района, населенной кряшенами (тюркоязычная группа), женщины-делегатки стали ходить по вечерам в сельскую школу, где учительница Зайцева, знающая их язык, обучала грамоте. И участницы этих встреч говорили: «Собираемся в школу точно на праздник, отдыхаем здесь душой от своих повседневных забот и уходить отсюда не хочется» (Наблюдатель 1925: 23; Томские женщины... 2003: 79–80). Жительница Кривошеинского района Татьяна Дурнова сама научилась грамоте и, будучи членом сельсовета, организовала сбор средств на покупку тетрадей и карандашей для начальной школы. Кроме того, она добилась открытия клуба, организовала драмкружок, а побывав в Новосибирске на 2-м краевом съезде Советов, привезла в родной поселок пачку книг (А.Н. 1935: 16).

Молодые крестьянки стали осваивать технические специальности. В первой в Колпашевском районе Чажемтовской МТС работали трактористки Анна Пермякова и Августина Кузнецова, вскоре они окончили курсы комбайнеров и стали первыми в Нарымском округе женщинами-комбайнерами. Курсы трактористов при Высоко-Ярской МТС окончили М.Д. Чистякова и Е.С. Замиралова. В Чаинской МТС работала Клавдия Фогель, в Рыбаловской МТС – Фекла Бабинович (вспахивала на колесном тракторе за смену 8,4 га при норме 3,6 га). Большую известность в Нарымском округе получила 20-летняя Таисия Манькова. Окончив курсы комбайнеров, она в первый же год работы вошла в число передовиков и была избрана депутатом Нарымского окружного Совета депутатов трудящихся (На колхозных полях... 1939: 3; Накоряков 1939: 3; Пульцин 1939: 3; Таисия... 1939: 1).

Определенные сдвиги в повседневной жизни томских крестьянок связаны с журналом «Красная сибирячка», выходившим в 1922–1939 гг. и имевшим достаточно широкое распространение в деревне. Будучи печатным органом Сибирского / Западно-Сибирского краевого комитета РКП / ВКП(б), журнал освещал по преимуществу общественно-политические события. Одновременно на его страницах размещались советы медицинского характера, рекомендации по рациональному

ведению домашнего хозяйства, публиковались кулинарные рецепты, примерные меню семейных обедов, а какое-то время и узоры для вышивания, и выкройки платьев (эти выкройки в натуральную величину рассылались подписчикам в виде бесплатного приложения).

По фотографиям в сибирской периодике видно, как в двадцатых годах, следуя традиции, женщины обязательно покрывали головы платками, завязывая их узлом под подбородком. Первыми, как женщины-работницы, стали повязывать голову красной косынкой с узлом на затылке крестьянки-делегатки. Именно в такой косынке ходила Елена Боровцева из с. Ярского, заместитель председателя сельсовета. Не молодая, 50 лет, с «кучей детей», она, по мнению журналиста «Красного знамени», могла «любую молодуху активностью за пояс заткнуть» (Делегатки... 1927: 2). А в тридцатых в сибирских изданиях все чаще публиковались снимки женщин-крестьянок с непокрытыми волосами, нередко и со стрижкой. Девушки и молодые женщины, по свидетельству П.Е. Бардиной (1995: 142), отказывались от традиционных сарафанов и все чаще надевали прямого покроя кофты, заправляя их в несколько укороченные юбки «под ремень», носили «матроски». Сами, по выкройкам, шили модные в предвоенные годы платья с отложным воротничком, с юбкой в складку. Женщины-активистки носили пиджаки, а трактористки шеголяли в куртках-юнгштурмовках, в беретах или кепках.

В крестьянских домах стали появляться новинки техники. Известно, что вязальщица Резонова из колхоза имени Ворошилова Нарымского округа приобрела виктролу (разновидность граммофона), доярка Гришина из колхоза «Новая жизнь» купила велосипед. Екатерина Астраханова, которая, возможно, первой среди томских колхозниц летала на самолете, добираясь из Чаинского района в Новосибирск, на 2-й краевой съезд колхозников-ударников, слушала радиоприемник в «чистой культурной избе» (как ее характеризовали в журнале «Красная сибирячка»). Будучи членом сельсовета, она навела порядок в своем селе, организовала побелку стен в школе и в некоторых домах (в них выморозили тараканов и купили кровати вместо нар), наладила горячие завтраки для школьников, приобрела для школы радиоприемник, а для сельского клуба – патефон (Развертывается... 1934: 10). Каргасокская свинарка Анна Кучина самостоятельно научилась читать и завела в доме небольшую библиотечку (Никулькова 1935: 14). Однако то, что побелка стен становилась информационным поводом для журналистов, а приобретение новой кровати трактовалось как культурное достижение, свидетельствует и о невысоких социальных стандартах колхозной деревни, и о недостаточном уровне жизни томских женщин-крестьянок.

Выводы. В 1920–1930-х гг. в России был запущен механизм социализации, вызвавший перемены в ролевом поведении женщин, в результате чего томские крестьянки достигли определенной степени социаль-

ной свободы, стали более грамотными, раскрепощенными, интересовались чтением, вовлекались в систему административного управления, обучались техническим специальностям. Значительное расширение спектра общественных интересов способствовало самоутверждению женщин-крестьянок, подготавливало их к тяжким испытаниям Великой Отечественной войны и послевоенных лет. Однако, переняв некоторые мужские роли, на равных с мужчинами участвуя в колхозном производстве, женщины-крестьянки по-прежнему выполняли многочисленные обязанности по семейному обустройству и домашнему хозяйству, обеспечивали и продовольственные нужды семьи, и поставки сельскохозяйственных продуктов государству. Возраставшие нагрузки в условиях явно недостаточной социальной поддержки приводили к переутомлению, физическому и психоэмоциональному истощению женщин и не могли не оказывать негативного влияния на демографическое поведение. Не случайно в 1930-х гг. уровень рождаемости сельского населения Сибири значительно уменьшился (Алексеев, Исупов 1986: 36). Показательно и то, что томские женщины-крестьянки уступали мужчинам по уровню грамотности, по степени социальной активности. Для наполнения этого положения конкретно-историческим содержанием требуется дальнейшее изучение «женской темы» в локально ограниченных рамках Томско-Нарымского Приобья.

Литература

- А-в. Ударницы колхозных полей // Советский север. Колпашево, 1934. 29 июня. № 84. С. 1.
- А.Н. В борьбе за культуру // Красная сибирячка. Новосибирск, 1935. № 3–4. С. 16.
- Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 232 с.
- Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 года / под ред. В.Я. Нагнибеды. Томск, 1927. 215 с.
- Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края / под ред. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 224 с.
- Борбашев. Передовой колхоз им. Смидовича // Советский север. Колпашево, 1939. 24 июня. № 116. С. 3.
- Вербицкая О.М. Демографические проблемы российской деревни в послевоенные годы (1945–1959) // Труды Института российской истории. М.: Наука, 2005. Вып. 5. С. 300–321.
- Воеводина Ю.С. Великая Отечественная война глазами сельских женщин Алтая // Женщина в Сибири в XIX–XX вв.: место в региональном социуме и гендерные роли / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Аз Бука, 2008. С. 143–149.
- Востротина К. Работу делегатских собраний решительно улучшить // Красная сибирячка. Новосибирск, 1932. № 14. С. 6–7.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 6: Сибирский край, Бурят-Монгольская АССР. Отдел 1: народность, родной язык, возраст, грамотность. М., 1928. 388 с.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 441. Доклады Томского комитета Севера 1929 г.
- ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 551. Доклады Томского комитета Севера 1925–1930 гг.

- Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-480. Оп. 1. Д. 1. Документы по вопросу об улучшении хозяйства и быта национальных меньшинств Томской губернии 1925 г.
- ГАТО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 637. Циркуляры и руководящие указания 1930 г.
- Гончаров Ю.М. Женщина в сибирском социуме второй половины XIX – начала XX в. // Гончаров Ю.М. Женщины Сибири XIX – начала XX в.: библиографический указатель / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. Барнаул: Концепт, 2008. С. 43–68.
- Гончаров Ю.М., Журавлева Н.Н. Развитие женского образования в городах Алтая во второй половине XIX – начале XX в. // Женщина в Сибири в XIX–XX в.: место в региональном социуме и гендерные роли / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Аз Бука, 2008. С. 76–87.
- Данилкина. Успехи томских активисток // Красная сибирячка. Новосибирск, 1933. № 11. С. 11.
- Двенадцатый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во полит. лит., 1984. Т. 3. С. 50–129.
- Декрет о земле съезда Советов рабочих и солдатских депутатов // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. С. 17–20.
- Делегатки // Красное знамя. Томск, 1927. 8 марта. № 55. С. 2.
- Дубинский А. Мы побеждаем, растем и крепнем // Красное знамя. Томск, 1932. 3 сент. № 194. С. 2.
- Женщина – строительница коммунизма: первый окружной съезд работниц и крестьянок, членов Советов Томского округа / Томский окрисполком. Томск, 1927. 65 с.
- Жизнь и работа выдвиженок // Красная сибирячка. Новосибирск, 1926. № 1. С. 9–13.
- Залетный. Татарки заговорили // Красная сибирячка. Новониколаевск, 1924. № 5–6. С. 17.
- И в этом году сельсовет не сдает своих позиций // Красная сибирячка. Новосибирск, 1934. № 14. С. 10.
- Иванов Л.Н. Когда я гостил на земле. Томск, 2005. 273 с.
- Из истории земли Томской. 1921–1924. Народ и власть: сб. документов и материалов / отв. ред. Б.П. Тренин. Томск, 2000. 447 с.
- Калтай советский // Красное знамя. Томск, 1928. 28 марта. № 74. С. 1.
- Кан Г.И. Окружком // Энциклопедия Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. 2. С. 536–537.
- Климанская К.Е. Деятельность партийных организаций Сибири среди крестьянок (1920–1925 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства / под ред. В.С. Флерова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1965. Вып. 4. С. 21–43.
- Климанская К.Е. Женщины Сибири в социалистическом строительстве: деятельность партийных организаций Сибири по вовлечению женщин в социалистическое строительство (1920–1925 гг.) / отв. ред. Л.И. Боженко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. 118 с.
- Коляскина Е.А. Хозяйка: традиционные представления русских Алтая о женщине в обычном праве // Женщина в Сибири в XIX–XX в.: место в региональном социуме и гендерные роли / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Аз Бука, 2008. С. 156–168.
- Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. М.: Изд-во ВЦИК, 1918. 31 с.
- Конституция Союза ССР и Конституция Советских Социалистических Республик. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. 283 с.
- Кушнарев. Знатные колхозницы // Советский север. Колпашево, 1939. 11 февр. № 28. С. 3.
- Лекции стахановцев сельского хозяйства / отв. ред. С.М. Калилов. Томск, 1940. Вып. 1. 129 с.
- Летние ясли в томской деревне // Красное знамя. Томск, 1927. 8 марта. № 55. С. 2.

- Ликвидируем отставание в рыбной промышленности* // Советский север. Колпашево, 1939. 23 июля. № 135. С. 3.
- «*Лишь в колхозе деревенская женщина начнет жить по-человечески*» (на совещании женщин-колхозниц) // Красное знамя. Томск, 1930. 23 окт. № 237. С. 1.
- Лукерия*. Нужно суметь заинтересовать // Красная сибирячка. Новониколаевск, 1924. № 11–12. С. 7.
- Материалы* конференции рабпрос Томского района. Томск, [1931]. 30 с.
- Михайлова*. От юных, счастливых – Советам салют // Красная сибирячка. Новосибирск, 1935. № 3–4. С. 13.
- На колхозных полях* // Советский север. Колпашево, 1939. 10 мая. № 86. С. 3.
- Наблюдатель*. Хороший пример // Красная сибирячка. Новосибирск, 1925. № 6–7. С. 23.
- Наброски* деревенского быта // Красное знамя. Томск, 1923. 23 окт. № 238. С. 2.
- Накоряков В.* Как работает Чаинская МТС // Советский север. Колпашево, 1939. 22 мая. № 94. С. 3.
- Народное хозяйство* Томской губернии: отчет губэкономсовещания Совнаркому и СТО за 1922 год / ред. А.Л. Шиловский, Б.М. Ган, В.Я. Нагнибеда, Т.И. Мосунов. Томск, 1923. IV, 438, 492, 110 с.
- Наша жизнь и работа*: заметки и очерки // Красная сибирячка. Новосибирск, 1925. № 8. С. 13–20.
- Никулькова А.* Люди советского Нарыма // Красная сибирячка. Новосибирск, 1935. № 1. С. 13–14.
- Одиннадцатый съезд РКП (б)* // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во полит. лит., 1983. Т. 2. С. 478–570.
- Пащенко*. Делегаткам не помогают // Красная сибирячка. Новосибирск, 1928. № 12. С. 15.
- Пащенко*. Мы тоже не отстаем // Красная сибирячка. Новосибирск, 1927. № 7. С. 12.
- Писаров*. Лучшие охотники // Советский север. Колпашево, 1939. 11 апр. № 71. С. 4.
- По вопросу* занесения лучших ударниц в окружную книгу Почета // Советский север. Колпашево, 1934. 8 марта. № 31. С. 2.
- Положение* о выборах в Учредительное собрание // Вестник Временного правительства. Пг., 1917. 22 июля. № 111. С. 1–2.
- Постановление* Совета народных комиссаров 28 апреля 1933 г. «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории СССР» // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. М., 1933. Отдел 1-й. № 28. С. 304–306.
- Примерный Устав* сельскохозяйственной артели, принятый II Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный Советом народных комиссаров Союза ССР и Центральным комитетом ВКП(б) 17 февраля 1935 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. Т. 2: 1929–1940 годы. М.: Изд-во полит. лит., 1967. С. 519–530.
- Приходько П.Т.* К вопросу о приемах народной медицины в деревнях Томского края // Труды Томского краевого музея / под ред. М.А. Слободского и М.Б. Шатилова. Томск, 1927. Т. 1. С. 110–124.
- Пульцин П.* Молодые трактористы // Советский север. Колпашево, 1939. 27 апр. № 80. С. 3.
- Пушкарева Н.Л.* Зачем он нужен этот «гендер»? Новые концепции и новые подходы к анализу прошлого // Социальная история: ежегодник. М.: РОССПЭН, 1999. С. 155–174.
- Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. 526 с.

- Развертывается* культурная работа в Нарымском округе // Красная сибирячка. Новосибирск, 1934. № 7. С. 10–11.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 252. Окончательные итоги численности населения по районам и горсоветам Новосибирской области РСФСР по переписи 1939 г.
- РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 311. Основные итоги Всесоюзной переписи населения, Новосибирская область, 1939а.
- Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история: ежегодник. М.: РОССПЭН, 1999. С. 7–38.
- Рябцева И.А. Ликвидация неграмотности женщин Западной Сибири в 1920–1930-х гг. // Вопросы истории Сибири XX века / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2003. Вып. 6. С. 70–80.
- Северянин. Женщины показывают образцы в работе // Советский север. Колпашево, 1934. 8 марта. № 31. С. 1.
- Сенова А. Дело Валеевой // Красная сибирячка. Новосибирск, 1929. № 2. С. 13–15.
- Скубневский В.А. Женский труд в обрабатывающей промышленности Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Женщина в Сибири в XIX–XX в.: место в региональном социуме и гендерные роли / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Аз Бука, 2008. С. 43–53.
- Слободский М. Песни села Коларова Томского круга // Труды Томского краевого музея / под ред. М.А. Слободского и М.Б. Шатилова. Томск, 1927. Т. 1. С. 95–109.
- Соколов А.К. Социальная история России: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история: ежегодник. М.: РОССПЭН, 1999. С. 39–76.
- Список депутатов, избранных в Нарымский окружной Совет депутатов трудящихся // Советский север. Колпашево, 1939. 30 дек. № 240. С. 1, 3.
- Таисия Владимировна Манькова // Советский север. Колпашево, 1939. 11 дек. № 227. С. 1.
- Томские женщины. XX век: сб. документов и материалов / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2003. 365 с.
- Томские татары в прошлом и настоящем: сб. документов и материалов / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2000. 259 с.
- III краевая конференция ВЛКСМ // Советский север. Колпашево, 1936. 22 апр. С. 2.
- Тринадцатый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во полит. лит., 1984. Т. 3. С. 204–289.
- Тюлькин. Высокие показатели // Советский север. Колпашево, 1939. 9 авг. № 146. С. 1.
- Ударницы-колхозницы премированы // Советский север. Колпашево, 1934. 29 июня. № 84. С. 3.
- Ф.В. Женщины-татарки организуют маслоартель // Красная сибирячка. Новосибирск, 1928. № 1. С. 12.
- Фаронов В.Н. Женщина в рабочей семье Сибири начала XX в. (на примере Томской губернии) // Женщина в Сибири в XIX–XX в.: место в региональном социуме и гендерные роли / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Аз Бука, 2008. С. 99–106.
- Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 817. Переписка с Сиббюро и ЦК РКП(б) по учету и распределению коммунистов 1923 г.
- ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 74. Списки руководящих работников горкома ВКП(б) 1930 г.
- Черкашин. Образцы социалистического труда // Советский север. Колпашево, 1939. 9 авг. № 146. С. 1.
- III. Нарымский округ развернул массовую работу среди женщин // Красная сибирячка. Новосибирск, 1934. № 1. С. 14.
- Шелудков А. Лапонова – борец за большевистский колхоз // Советский север. Колпашево, 1934. 10 февр. № 17. С. 3.

- Шипилина Г.В. Сельское хозяйство и крестьянство Томской области в середине XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 180 с.
- Шушаков Л. Женщины советского Нарыма // Красная сибирячка. Новосибирск, 1939. № 2. С. 5.
- Ю.Д. Костарева Х. премирована телочкой // Советский север. Колпашево, 1934. 14 окт. № 136. С. 3.

Статья поступила в редакцию 26 мая 2014 г.

Dmitrienko Nadezhda M. Tomsk State University (Tomsk, Russia)

PEASANT WOMEN OF TOMSK REGION UNDER CONDITIONS OF SOCIAL CHANGES IN THE 1920s AND 1930s*

Abstract. The article deals with an important issue of social history that is the research into historical processes of female socialization, the results and social consequences of women's socializing into traditional male roles. Little knowledge about the topic accounts for the territorial and chronological scope of the study. The study of peasant women of Tomsk-Narym region in the first post-revolutionary decades allows us to specify female experience during social changes. The integrated methodology and new historical sources constituted a good basis for this work.

An essential factor in female socialization was the Revolution of 1917 and the post-revolutionary transformation. A statutory framework for women's equality was formed, and there were severe restrictions of civil rights of rural women as well.

The first spontaneous experience of male roles peasant women acquired in the revolutionary period, when they were forced to do men's housework. Rural women were purposefully made involved in public affairs based on the decisions by the Communist Party and the Soviet leadership. Peasant women were elected to Soviets (councils); they became Chairwomen of village Soviets. On an equal footing with men peasant women worked in kolkhozes (collective farms), and so they were limited in their ability to care for their families, children, and households.

'Mechanisms of encouragement and punishment' were put in place for them to adopt men's roles. Women activists would often get harassed by their family, village or district leaders. At the same time the promotion of rural labor achievements was reinforced. Even the daughters of kulaks, exiled peasants of Narym, were involved in political campaigns. One of them, Nadezhda Stupak, was admitted to the Komsomol (Communist Youth League) and was placed in charge of a livestock farm.

The cultural and psychological profile of female activists (*vydvizhenki*) aspiring to leadership and of leading collective farmers was being formed at the time. New social roles helped rural women establish themselves and get prepared for the hardships of the Great Patriotic War. However, the double burden both at home and at work led to increased physical exhaustion of women and had a negative impact on demographic behaviour. Tomsk peasant women were still inferior to men in terms of literacy and social activity.

Key words: Tomsk village, peasant women, social and legal status, social activities, cultural and psychological profile

*The publication was supported by the Russian Foundation for Humanities, project № 13-11-70008

References

- A-v. Udarnitsy kolkhoznykh polei [Best female workers in the farm fields], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1934, June 29, no. 84, pp. 1.

- A.N. V bor'be za kul'turu [Struggling for culture], *Krasnaia sibirichka*. Novosibirsk, 1935, no. 3–4, pp. 16.
- Alekseev V.V., Isupov V.A. *Naselenie Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The population of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Nauka, 1986, 232 p.
- Altaisko-Tomskaia chast' Sibiri po dannym sel'skokhoziaistvennoi perepisi 1916 goda* [The Altai-Tomsk part of Siberia according to the Agricultural Census of 1916], ed. by V.Ia. Nagnibeda. Tomsk, 1927, 215 p.
- Bardina P.E. *Byt russkikh sibiariakov Tomskogo kraia* [The everyday life of Siberians on the Tomsk territory], ed. by N.V. Lukina. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1995, 224 p.
- Borbashev. Peredovoi kolkhoz im. Smidovicha [The Smidovich advanced collective farm], *Sovetskii sever*, Kolpashevo, 1939, June 24, no. 116, pp. 3.
- Verbitskaia O.M. Demograficheskie problemy rossiiskoi derevni v poslevoennye gody (1945–1959) [The demographic problems of Russian villages in the aftermath of the War (1945–1959)], *Trudy Instituta rossiiskoi istorii*. Moscow: Nauka, 2005, vol. 5, pp. 300–321.
- Voevodina Iu.S. Velikaia Otechestvennaia voina glazami sel'skikh zhenshchin Altaia, *Zhenshchina v Sibiri v XIX–XX vv.: mesto v regional'nom sotsiume i gendernye roli* [The Great Patriotic War through the eyes of rural women of Altai; Women in Siberia in the 19th and 20th centuries: the place in the society of the region and gender roles], ed. by Iu.M. Goncharov. Barnaul: Az Buka, 2008, pp. 143–149.
- Vostrotina K. Rabotu delegatskikh sobranii reshitel'no uluchshit' [The work of delegate meetings is to be decisively improved], *Krasnaia sibirichka*. Novosibirsk, 1932, no. 14, pp. 6–7.
- Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1926 goda. T. 6: Sibirskii krai, Buriat-Mongol'skaia ASSR* [The All-Union Population Census of 1926. Vol. 6: The Siberian region, Buryat-Mongolskaya ASSR]. Otdel 1: narodnost', rodnoi iazyk, vozrast, gramotnost'. Moscow, 1928, 388 p.
- GARF (Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii) [The State Archive of the Russian Federation], F. R-3977, in. 1, c. 441, Doklady Tomskogo komiteta Severa 1929 g.
- GARF, F. R-3977, in. 1, c. 551, Doklady Tomskogo komiteta Severa 1925–1930 gg.
- GATO (Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti) [The State Archive of Tomsk Region], F. R-480, in. 1, c. 1, Dokumenty po voprosu ob uluchshenii khoziaistva i byta natsional'nykh men'shinstv Tomskoi gubernii 1925 g.
- GATO, F. R-195, in. 1, c. 637, Tsirkuliary i rukovodiashchie ukazaniia 1930 g.
- Goncharov Iu.M. *Zhenshchina v sibirskom sotsiume vtoroi poloviny XIX – nachala XX v., Goncharov Iu.M. Zhenshchiny Sibiri XIX – nachala XX v.: bibliograficheskii ukazatel'* [The women of Siberia in the 19th and early 20th centuries: bibliography], ed. by N.L. Pushkareva. Barnaul: Kontsept, 2008, pp. 43–68.
- Goncharov Iu.M., Zhuravleva N.N. Razvitie zhenskogo obrazovaniia v gorodakh Altaia vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v., *Zhenshchina v Sibiri v XIX–XX vv.: mesto v regional'nom sotsiume i gendernye roli* [The development of education for women in Altai cities in the second half of the 19th to the beginning of the 20th centuries; The women of Siberia in the 19th and 20th centuries: the place in the society of the region and gender roles], ed. by Iu.M. Goncharov. Barnaul: Az Buka, 2008, pp. 76–87.
- Danilkina. Uspekhi tomskikh aktivistok [Achievements of Tomsk female activists], *Krasnaia sibirichka*. Novosibirsk, 1933, no. 11, pp. 11.
- Dvenadtsati s'ezd RKP (b) [The twelfth Congress of the Russian Communist Party (the Bolsheviks)], *KPSS v rezoliutsiiakh i resheniiakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK. 9-e izd., dop. i ispr.* Moscow: Izd-vo polit. lit., 1984, vol. 3, pp. 50–129.
- Dekret o zemle s'ezda Sovetov rabochikh i soldatskikh deputatov [The Decree on Land passed by the Congress of Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies], *Dekrety Sovetskoi vlasti*. Vol. 1, 25 October 1917 g. – 16 March 1918 g. Moscow: Gospolitizdat, 1957, pp. 17–20.
- Delegatki [Women delegates], *Krasnoe znamia*. Tomsk, 1927, March 8, no. 55, pp. 2.

- Dubinskii A. My pobezhdaem, rastem i krepnem [We win, develop and get stronger], *Krasnoe znamia*. Tomsk, 1932, sept. 3, no. 194, pp. 2.
- Zhenshchina – stroitel'nitsa kommunizma: pervyi okružnoi s"ezd rabotnits i krest'ianok, chlenov Sovetov Tomskogo okruga*, Tomskii okrispolkom. Tomsk, 1927, 65 p.
- Zhizn' i rabota vydvizhenok [The life and work of vydvizhenki], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1926, no. 1, pp. 9–13.
- Zaletnyi. Tatarki zagovorili [The Tatar women starting to speak up], *Krasnaia sibiriachka*. Novonikolaevsk, 1924, no. 5–6, pp. 17.
- I v etom godu sel'sovet ne sdaet svoikh pozitsii [And this year the village council retains its position], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1934, no. 14, pp. 10.
- Ivanov L.N. *Kogda ia gostil na zemle* [When I was visiting the land]. Tomsk, 2005, 273 p.
- Iz istorii zemli Tomskoi. 1921–1924. Narod i vlast': sb. dokumentov i materialov* [From the history of the Tomsk land. 1921–1924. The people and the authorities: a collection of documents and materials], ed. by B.P. Trenin. Tomsk, 2000, 447 p.
- Kaltai sovetskii [The Soviet Kaltai], *Krasnoe znamia*. Tomsk, 1928, march 28, no. 74, pp. 1.
- Kan G.I. Okružkom [The District Committee], *Entsiklopediia Tomskoi oblasti*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2009, vol. 2, pp. 536–537.
- Klimanskaia K.E. Deiatel'nost' partiinykh organizatsii Sibiri sredi krest'ianok (1920–1925 gg.), *Sibir' i Dal'nii Vostok v period vosstanovleniia narodnogo khoziaistva* [The activities of Siberian party organizations among peasant women in 1920–1925, Siberia and the Far East during the recovery of the national economy], ed. by V.S. Flerov. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1965, vol. 4, pp. 21–43.
- Klimanskaia K.E. *Zhenshchiny Sibiri v sotsialisticheskom stroitel'stve: deiatel'nost' partiinykh organizatsii Sibiri po vovlecheniiu zhenshchin v sotsialisticheskoe stroitel'stvo (1920–1925 gg.)* [Women of Siberia during the socialist development: the activities of Siberian party organizations for the engagement of women in building socialism (1920–1925)], ed. by L.I. Bozhenko. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1976, 118 p.
- Koliaskina E.A. Khoziaika: traditsionnye predstavleniia russkikh Altaia o zhenshchine v obychnom prave, *Zhenshchina v Sibiri v XIX–XX v.: mesto v regional'nom sotsiume i gendernye roli* [Housewives: the conventional perception of Russians of Altai about women in common law, Women in Siberia in the 19th and the 20th centuries: the place in the society of the region and gender roles], ed. by Iu.M. Goncharova. Barnaul: Az Buka, 2008, pp. 156–168.
- Konstitutsiia (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sovetskoi Federativnoi Sotsialisticheskoi Respubliki* [The Constitution (Fundamental Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow: Izd-vo VTsIK, 1918, 31 p.
- Konstitutsiia Soiuza SSR i Konstitutsiia Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [The Constitution of the Union of SSR and the Constitution of the Soviet Socialist Republics]. Moscow: Iurid. izd-vo NKIu SSSR, 1937, 283 p.
- Kushnarev. Znatnye kolkhoznitsy [Noble kolkhoz women], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, Feb. 11, no. 28, pp. 3.
- Lektsii stakhanovtsev sel'skogo khoziaistva* [Lectures by Stakhanovites in agriculture], ed. by S.M. Kalilov. Tomsk, 1940, vol. 1, 129 p.
- Letnie iasli v tomskoi derevne [Summer nursery in Tomsk villages], *Krasnoe znamia*. Tomsk, 1927, march 8, no. 55, pp. 2.
- Likvidiruem otstavanie v rybnoi promyshlennosti [Let us eliminate the backlog in the fishing industry], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, July 23, no. 135, pp. 3.
- «Lish' v kolkhoze derevenskaia zhenshchina nachnet zhit' po-chelovecheski» (na soveshchanii zhenshchin-kolkhoznits) [It is only in collective farms that rural women will live well (at the meeting of kolkhoz women)], *Krasnoe znamia*. Tomsk, 1930, Oct. 23, no. 237, pp. 1.
- Lukeriia. Nuzhno sumet' zainteresovat' [One needs to make them interested], *Krasnaia sibiriachka*. Novonikolaevsk, 1924, no. 11–12, pp. 7.

- Materialy konferentsii rabpros Tomskogo raiona* [Proceedings of the conference of educators in the Tomsk region]. Tomsk, [1931], 30 p.
- Mikhailova. Ot iunykh, schastlivykh – Sovetam salit [Sending greetings to the Soviets from the young and happy], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1935, no. 3–4, pp. 13.
- Na kolkhoznykh poliakh [In the collective farm fields], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, may 10, no. 86, pp. 3.
- Nabliudatel'. Khoroshii primer [The Observer. A good example], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1925, no. 6–7, pp. 23.
- Nabroski derevenskogo byta [Sketches of rural life], *Krasnoe znamia*. Tomsk, 1923, oct. 23, no. 238, pp. 2.
- Nakoriakov V. Kak rabotaet Chainskaia MTS [On how the Chainskaya machine and tractor station works], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, may 22, no. 94, pp. 3.
- Narodnoe khoziaistvo Tomskoi gubernii: otchet gubekonomshechaniia Sovnarkomu i STO za 1922 god* [National economy of the Tomsk province: report on the province's economic meeting to the Council of People's Commissars and Council of Labour and Defense for the year 1922], ed. by A.L. Shilovskii, B.M. Gan, V.Ia. Nagnibeda, T.I. Mosunov. Tomsk, 1923, IV, 438, 492, 110 p.
- Nasha zhizn' i rabota: zametki i ocherki [Our life and work: notes and essays], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1925, no. 8, pp. 13–20.
- Nikul'kova A. Liudi sovetskogo Naryma [The people of the Soviet Narym], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1935, no. 1, pp. 13–14.
- Odinnadsatyi s"ezd RKP(b) [The eleventh Congress of the Russian Communist Party (the Bolsheviks)], *KPSS v rezoliutsiiakh i resheniiakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK. 9-e izd., dop. i ispr.* Moscow: Izd-vo polit. lit., 1983, vol. 2, pp. 478–570.
- Pashchenko. Delegatkam ne pomogaiut [Women delegates get no help], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1928, no. 12, pp. 15.
- Pashchenko. My tozhe ne otstaem [We do not fall behind either], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1927, no. 7, pp. 12.
- Pisarov. Luchshie okhotniki [Best hunters], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, april 11, no. 71, pp. 4.
- Po voprosu zaneseniia luchshikh udarnits v okruzhnuiu knigu Pocheta [On the question of listing the names of best female workers in the districtbook of honour], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1934, march 8, no. 31, pp. 2.
- Polozhenie o vyborakh v Uchreditel'noe sobranie [The Statute on the elections to the Constituent Assembly], *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. Petrograd, 1917, july 22, no. 111, pp. 1–2.
- Postanovlenie Soveta narodnykh komissarov 28 aprelia 1933 g. «O vydache grazhdanam Soiuzs SSR pasportov na territorii SSSR», *Sobranie zakonov i rasporiazhenii rabochekrest'ianskogo pravitel'stva Soiuzs Sovetskikh Sotsialisticheskikh respublik* [The Resolution of the Council of People's Commissars dated 28 April 1933 'On the issuance of passports to citizens of the Union of SSR on the SSSR territory']. Moscow, 1933, Otdel 1-i, no. 28, pp. 304–306.
- Primernyi Ustav sel'skokhoziaistvennoi arteli, priiatyi II Vsesoiuznym s"ezdom kolkhoznikov-udarnikov i utverzhdennyi Sovetom narodnykh komissarov Soiuzs SSR i Tsentral'nyim komitetom VKP(b) 17 fevralia 1935 g., *Resheniia partii i pravitel'stva po khoziaistvennym voprosam: v 5 t. T. 2: 1929–1940 gody* [The preliminary Statute of the agricultural marketing cooperative passed by the Second All-Union Congress of kolkhoz men and best workers and approved by the Council of People's Commissars of the Union of SSR and by the Central Committee of the All-Union Communist Party (the Bolsheviks) on 17 February 1935, The decisions by the Party and the government on economic issues: in 5 vols. Vol.2: 1929–1940]. Moscow: Izd-vo polit. lit., 1967, pp. 519–530.
- Prikhod'ko P.T. K voprosu o priemakh narodnoi meditsiny v derevniakh Tomskogo kraia [On the issue of methods of traditional medicine in villages of the Tomsk region], *Trudy*

- Tomskogo kraevogo muzeia*, ed. by M.A. Slobodskoi and M.B. Shatilov. Tomsk, 1927, vol. 1, pp. 110–124.
- Pul'tsin P. Molodye traktoristy [Young tractor-drivers], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, april 27, no. 80, pp. 3.
- Pushkareva N.L. Zachem on nuzhen etot «gender»? Novye kontseptsii i novye podkhody k analizu proshlogo [What is this 'gender' for? New concepts and new approaches to the analysis of the past], *Sotsial'naia istoriia: ezhegodnik*. Moscow: ROSSPEN, 1999, pp. 155–174.
- Pushkareva N.L. *Russkaia zhenshchina: istoriia i sovremennost'. Istoriia izucheniiia «zhenskoi temy» russkoi i zarubezhnoi nauko. 1800–2000: materialy k bibliografii* [A Russian woman: past and present. The history of studying the 'female theme' in Russian and foreign science. 1800–2000: materials for bibliography]. Moscow: Lodomir, 2002, 526 p.
- Razvertyvaetsia kul'turnaia rabota v Narymskom okruge [The cultural work is unfolding in Narym district], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1934, no. 7, pp. 10–11.
- RGAE (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki) [The Russian State Archive of the Economy]. F. 1562, in. 336, c. 252. Okonchatel'nye itogi chislennosti naseleniia po raionam i gorsovetam Novosibirskoi oblasti RSFSR po perepisi 1939 g.
- RGAE. F. 1562, in. 336, c. 311. Osnovnye itogi Vsesoiuznoi perepisi naseleniia, Novosibirskaia oblast', 1939a g.
- Repina L.P. Smena poznavatel'nykh orientatsii i metamorfozy sotsial'noi istorii [The change of cognitive orientations and metamorphoses of social history], *Sotsial'naia istoriia: ezhegodnik*. Moscow: ROSSPEN, 1999, pp. 7–38.
- Riabtseva I.A. Likvidatsiia negramotnosti zhenshchin Zapadnoi Sibiri v 1920–1930-kh gg. [The eradication of illiteracy among women of West Siberia in the 1920s and 1930s], *Vo-prosy istorii Sibiri KhKh veka*, ed. by M.V. Shilovskii. Novosibirsk, 2003, vol. 6, pp. 70–80.
- Severianin. Zhenshchiny pokazывaiut obraztsy v rabote [Women demonstrate work patterns], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1934, march 8, no. 31, pp. 1.
- Senova A. Delo Valeevoi [The case of Valeeva], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1929, no. 2, pp. 13–15.
- Skubnevskii V.A. Zhenskii trud v obrabatyvaiushchei promyshlennosti Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.), *Zhenshchina v Sibiri v XIX–XX v.: mesto v regional'nom sotsiume i gendernye roli* [Female labour in the processing industry of Siberia at the end of the 19th to the early 20th centuries, Women in Siberia in the 19th and 20th centuries: the place in the society of the region and gender roles], ed. by Iu.M. Goncharov. Barnaul: Az Buka, 2008, pp. 43–53.
- Slobodskii M. Pesni sela Kolarova Tomskogo kruga [Songs of the village Kolarovo of the Tomsk district], *Trudy Tomskogo kraevogo muzeia*, ed. by M.A. Slobodskoi and M.B. Shatilov. Tomsk, 1927, vol. 1, pp. 95–109.
- Sokolov A.K. Sotsial'naia istoriia Rossii: problemy metodologii i istochnikovedeniia [The social history of Russia: issues of methodology and source studies], *Sotsial'naia istoriia: ezhegodnik*. Moscow: ROSSPEN, 1999, pp. 39–76.
- Spisok deputatov, izbrannykh v Narymskii okruzhnoi Sovet deputatov trudiashchikhsia [The list of deputies elected to the Narym district council of workpeople's deputies], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, dec. 30, no. 240, pp. 1,3.
- Taisiia Vladimirovna Man'kova [Taisiya Vladimirovna Mankova], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, dec. 11, no. 227, pp. 1.
- Tomskie zhenshchiny. XX vek: sb. dokumentov i materialov* [Tomsk women. The 20th century: a collection of documents and materials], ed. by N.M. Dmitrienko. Tomsk, 2003, 365 p.
- Tomskie tatarsy v proshlom i nastoiashchem: sb. dokumentov i materialov* [Tomsk Tatars in the past and present: a collection of documents and materials], ed. by N.M. Dmitrienko. Tomsk, 2000, 259 p.

- III kraevaia konferentsiia VLKSM [The third territorial conference of the All-Union Lenin Communist Youth League], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1936, april 22, pp. 2.
- Trinadtsati s"ezd RKP(b) [The thirteenth Congress of the Russian Communist Party (the Bolsheviks)], *KPSS v rezoliutsiakh i resheniakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK. 9-e izd., dop. i ispr.* Moscow: Izd-vo polit. lit., 1984, vol. 3, pp. 204–289.
- Tiul'kin. Vysokie pokazateli [Strong performance], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, aug. 9, no. 146, pp. 1.
- Udarnitsy-kolkhoznitsy premirovany [The best kolkhoz female workers awarded], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1934, june 29, no. 84, pp. 3.
- F.V. Zhenshchiny-tatarki organizuiut masloartel' [Tatar women set up a dairy cooperative], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1928, no. 1, pp. 12.
- Faronov V.N. Zhenshchina v rabochei sem'e Sibiri nachala XX v. (na primere Tomskoi gubernii), *Zhenshchina v Sibiri v XIX–XX v.: mesto v regional'nom sotsiume i gendernye roli* [Women in working-class families in Siberia in the early 20th century (through the example of the Tomsk province, Women in Siberia in the 19th and 20th centuries: the place in the society of the region and gender roles], ed. by Iu.M. Goncharov. Barnaul: Az Buka, 2008, pp. 99–106.
- Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Tomskoi oblasti (TsDNITO)* [The Centre of documentation of the recent history of the Tomsk region (TsDNITO)]. F. 1, in. 1, c. 817. Perepiska s Sibbiuro i TsK RKP(b) po uchetu i raspredeleniiu kommunistov 1923 g.
- TsDNITO*. F. 80, in. 1, c. 74. Spiski rukovodiashchikh rabotnikov gorkoma VKP(b) 1930 g.
- Cherkashin. Obraztsy sotsialisticheskogo truda [The lists of top executives of the city committee of the All-Union Communist Party (the Bolsheviks)], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1939, aug. 9, no. 146, pp. 1.
- Sh. Narymskii okrug razvernul massovuuiu rabotu sredi zhenshchin [The Narym district launched mass work among women], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1934, no. 1, pp. 14.
- Sheludkov A. Laponova – borets za bol'shevistskii kolkhoz [Laponova as a fighter for the Bolshevik kolkhoz], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1934, feb. 10, no. 17, pp. 3.
- Shipilina G.V. *Sel'skoe khoziaistvo i krest'ianstvo Tomskoi oblasti v seredine XX v.* [The agriculture and peasantry of the Tomsk region in the middle of the 20th century]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2011, 180 p.
- Shushakov L. Zhenshchiny sovetskogo Naryma [Women of the Soviet Narym], *Krasnaia sibiriachka*. Novosibirsk, 1939, no. 2, pp. 5.
- Iu. D. Kostareva Kh. premirovana telochkoi [Yu.D. Kostareva Kh. was granted a calf], *Sovetskii sever*. Kolpashevo, 1934, oct. 14, no. 136, pp. 3.